

Александра КЛИМОВА

ШУРА-ДУРА

Рассказ

Шура Ковальногова обожала читать по ночам. Накрывалась с головой одеялом и, устроившись в тесной «палатке», выхватывала слово за словом помигнивающим лучом фонарика с западающей кнопкой — единственного, что осталось в доме от деда после того, как Бабаня вытурила его со всеми кутулями.

Любимейшей книгой у Шурки был синий увесистый том «Простоквашино» Успенского с роскошными, подробными цветными иллюстрациями. Бумага, повествующая о невероятных приключениях дяди Федора, Шарика и кота Матроскина, пахла пьянище вкусно, и этот запах накрепко связался в сознании Шурки с увлекательными сюжетами. Она правда выбирала книги по запаху! Ей казалось, чем ближе запах был к тому, как пахло «Простоквашино», тем интереснее будет рассказанная история.

После вкусных ночных страниц, наполненных жизнью и приключениями, наступало взрослое, бессмысленное и беспощадное утро. С холодными ногами, колючими колготками, отупелым наблюдением за горячей струей воды, бьющейся в подставленную ладошку... Утро равнялось пресной каше, спешным сборам на ранний автобус, надоевшей, впивающейся в шею пуговице на блузке и террариуму под названием СОШ № 3. И даже вернувшись из школы, Шурка не могла сойти с бессмысленной колеи: нужно было еще выполнять домашнее задание. Если очень повезет, после проверки уроков светила часовая прогулка. Если не очень — помощь Бабане по огороду. Если совсем нет — бытовая рутина. А потом — книжная ночь в «палатке», сон в скрюченной позе, и все по новой.

Шурка действительно не понимала, за что ее лишили обыкновенной детской радости: гулять весь день. Шастать по двору, рассматривать птиц и жучков, ловить кузнечиков и слушать их шебуршание в спичечном коробке, лежать в своем укромном шалашике и наблюдать за облаками. Просто быть. Пить из крана за домом, есть подножный корм или покупать на мелочь лапшу быстрого приготовления, есть ее всухомятку, засыпая приправой прямо во рту, или грызть кусок сухаря, втихомолку стянутого с батареи... Эх, хотелось бы Шурке, как дяде Федору, свинтить, найти заброшенный деревенский дом, поселиться в нем и делать все, что захочется... Увы, о том, что ей захочется, пеклась Бабаня — тучная, строгая женщина с острым взглядом, окончательная в своих решениях, как точка в конце романа.

Заслышав тяжелые, шаркающие шаги, Шурка выскочила из-под одеяла и сунула в голф тонкую ножку с синяком на коленке.

Александра Александровна Климова родилась в 1995 году в поселке Межозерный Ленинградской области. Студентка Санкт-Петербургского государственного института кино и телевидения (специальность «режиссер игрового кино»). Публиковалась в журналах «Москва», «Перископ», «День и ночь». Лауреат премии «Молодой Петербург» (СПб., 2021). Лауреат премии «Данко» (Нижний Новгород, 2022). Живет в Санкт-Петербурге.

— Встала? — высунулась из-за двери полуседая голова.
 — Угу... — вяло отозвалась Шурка, морщась от утреннего света и запихивая вторую ногу в гольф.

Бабаня увидела синий корешок, торчащий из-под одеяла.

— Опять, никак, читала? — грозно спросила она.

Шурка помотала головой и усерднее завозилась с гольфами.

— Ну ты и вру-уха, — протянула Бабаня. — И в кого ты только такая вруха? У тебя вон книжка с-под одеяла торчит! Господи, у всех дети как дети, а мне такое наказание, врет на ровном месте, от теплого отпирается!.. Шевелись, каша стынет! — крикнула она уже из кухни.

«И почему нельзя завтракать мороженым? Если бы я жила одна, завтракала бы только мороженым», — представила Шурка. В голове зеленой соплей протянулся план дня: каша — автобус — школа — автобус — уроки — работа по дому — сон. Шурка тяжело вздохнула, вытасила книжку Успенского, положила на колени и, глубоко задумавшись, устала на картинку на развороте: дядя Федор, Шарик и Матроскин с довольными минами высунулись из окна найденного заброшенного дома...

Каждое утро перед школой Шурка мысленно упрашивала пространство о том, чтобы школа сгорела, чтобы отменили уроки, чтобы случилось что-то такое, что изменит ход событий и спасет от неотвратимой каторги. Она ставила себе условия, от выполнения которых по ее замыслу зависело, случится или не случится чудо. «Если я не наступлю ни на одну полоску на тротуаре, то автобус сломается». Или: «Если я поглажу кошку Симку двадцать пять раз и она не убежит, то училка сегодня заболеет». Или: «Если я увижу четное количество машин по дороге, то меня сегодня не спросят». И конечно, специально не замечала последний нечетный автомобиль.

Иногда заклинания действительно срабатывали. Так и получилось в тот день.

Отменили последний урок. Шурка забежала домой, скинула тяжелый рюкзак и, не переодевая школьную форму, чтобы не тратить время, поскакала на улицу. Белоснежные сандалики весело простучали по ступенькам. Шурка погладила дворовую кошку Симку, разнежившуюся на весеннем солнышке, обогнула вечную глубокую лужу и, помуркивая, побежала на свою любимую полянку в пролеске, где в кустах был оборудован тайный шалаш. Сво-бо-да! Все ликовало вместе с Шуркой: солнце, шустрые веселые облака причудливых форм, птички, коты... Даже воздух в поселке, казалось, был заряжен радостью от обретения Шуркой такого желанного раздолья.

— Ковальногова! — прорвал пелену блаженства писклявый голос Мишки-ябеды.

Шурка автоматически сбавила шаг, но старалась не подавать виду, что услышала свою фамилию.

— Э! Шура-дура! Ну-ка стойте! — прогремел властный голос Светилы. Если бы в гитлерюгенд брали девочек — она бы идеально вписалась.

Бежать от Светилы — все равно что бежать от медведя. Она тебя обязательно догонит и раздербанит. Шурка остановилась. Коленки тряслись, в горле пересохло. Шайка-лейка, состоящая из Мишки-ябеды, Лизки-подлизки, Кири Клянчикова и Витьки Деревяшкина, во главе со Светилой, подкатила к ней.

— Че тут делаешь? — с наглечой спросила Светила.

— Просто... гуляю... — замямлила Шурка.

— Мы видели, что у тебя шалаш в лесу. У нас тоже там будет, ясно?

Шурка молчала, думая над тем, что единственный спокойный угол недалеко от дома теперь оккупирован.

— Светочка, смотри: у нее сандалии прямо как у тебя, — залебезила Лизка, главная подпевала Светки.

Светила бросила взгляд на Шуркины ноги. Вдруг спросила по-доброму:

— Хочешь с нами шалаш строить?

Шурка медлила с ответом. Ее никогда не брали в эту компанию, и вот тебе на: из-за похожих сандалий так запросто принимают. Взглянула на Светку — та довольно доброжелательно улыбалась углами тонких губ.

— Так чего, идешь?

Шурка кивнула и смущенно улыбнулась, не веря своему счастью. Счастье, однако, длилось недолго.

Крупная фигура Бабани, медленно, но уверенно идущая от автобусной остановки, была видна издали. Шурка шлепала ей навстречу измазанными в грязи сандаликами и рыдала от всего сразу: из-за обмана ребят, с которыми она хотела подружиться, из-за испачканной школьной формы, из-за того, что Бабаня... Да, самое паршивое было, что от Бабани влетит так, что все остальное покажется ерундой. «Она же так разорется, что и книжки все выкинет...»

Шурка зашла новой волной завываний. При падении в злосчастную вечную лужу она расцарапала коленку, и не так чтобы больно, но для смягчения грядущего наказания нарочито хромала. Когда до Бабани оставалось десятка три метров, Шурка остановилась и в страхе ждала неминуемой встречи.

Бабаня замедлила ход, присмотрелась и с трудом признала внучку в этом чумазом нечто.

— Господи... Это что?

Шурка открыла рот и закатила истерику.

— Что ты орешь? Что случилось-то?

— Они опять... а я... а они... и Светка в лужу толкнула, а я-я-я... — Шурка закашлялась и не договорила.

— Что ж ты домой-то не пошла? Ходишь как полохало, бабку позоришь.

— Ключи в луже потеряла-а...

— Горе ты луковое, вот ты кто! — констатировала Бабаня. — Я только на прошлой неделе новый ключ сделала! Я тебе миллионерка, что ли, каждую неделю ключ делать? Пошли.

— Куда? — прекратила реветь Шурка, понадеявшись на то, что Бабаня сейчас пойдет разбираться со Светкой и ее шайкой-лейкой.

— Етить твою, на Луну! Домой, куда!

Шурка еще повсхлипывала и по дороге все старалась прихрамывать. Как ни странно, Бабаня больше не ругалась. Наоборот — напекла вечером вкусных блинов с творогом и даже сварила какао.

Отстиранные добела гольфы сушились на поднятой крышке газовой плиты. Бабаня пощупала их морщинистой, как мятая бумага, рукой. Сняла. Уже одетая в рабочий костюм, глянула на часы.

— Давай бегом, опаздываем.

Шурка, подхрамывая, вышла из комнаты.

— Ба... Можно я сегодня в школу не пойду?..

Бабаня строго посмотрела на внучку.

— Как это — «не пойду»?

— У меня нога болит...

— Еси б по лужам не скакала, не болела бы. Собирайся.

— Ну ба...

— Не бакай! Куда я тебя дену? Все!

Спорить было бесполезно. Бабаня не церемонясь натянула на тощие внучкины ноги гольфы, поверх — очищенные от грязи сандалики. Шурка понуро, насупившись, подавалась. Управившись с сандаликами и покрасневшись от напряжения, Бабаня распрямилась, увидела расстегнутую пуговицу на блузке и застегнула ее.

— Мне жмет, — попыталась увернуться Шурка.

— Мать ходила, не жаловалась, — пальнула Бабаня, добив и без того никчемное Шуркино утро. Схватила внучку за руку и вывела на лестничную площадку.

Шурка мало знала о маме. Бабаня все время говорила, что та их бросила, но у Шурки теплилась надежда, что она все-таки вернется и будет у нее веская причина, чтобы объяснить свое отсутствие. И вот тогда все во дворе узнают, что в мире есть человек, который за нее заступится.

Пока Бабаня, чертыхаясь, возилась с замком, к Шурке подошла кошка и стала ластиться к ногам.

— Ключ свой не дам. Сегодня, может, успею сдать на копию. Ты до трех все равно, я уже дома буду, короткий день... — проинструктировала Бабаня и, обернувшись, с ужасом обнаружила, что Шурка гладит Симку.

— А ну брысь! — то ли кошке, то ли Шурке прикрикнула Бабаня. — Ты что? А еси у ней лишай?! Кыш, собака!

Бабаня замахнулась на кошку, та шмыгнула по лестнице на этаж выше.

— Загадили весь подъезд! Ей-богу, убила бы, еси б не опаздывала!

Автобус, как говорит Бабаня, уже «хвост показывал», когда ей удалось привлечь внимание водителя, размахивая Шуркиным рюкзаком. Шваркнули двери желтой капсулы насмешек и унижения. Капсулы, которая доставит ее, наживку, на съедение задирам в СОШ № 3. Светила с Лизкой хищно высматривали Шурку в окно с камчатки автобуса, пока Бабаня благодарила водителя за внимательность и заталкивала внучку в салон.

— Бутерброды в рюкзаке, поняла? Не забудь съесть, — напутственно крикнула Бабаня, и двери схлопнулись, как створки капкана.

Автобус тронулся. Как назло, подальше от камчатки мест не было. Шурка встала в проходе.

— Стоять нельзя, — сказал водитель.

Делать нечего. Переступая через себя, Шурка двигалась к Светиле и Лизке. Ее скованность привлекала к себе внимание даже тех, кто ничего не знал о ее недавнем позоре с падением в лужу. Шурка села за два ряда от своих обидчиц. Те тут же пересели поближе.

— Ну что, Шура-дура, как вчера поплавала? — громко прошептала Светка в проем между спинками сидений. Лизка прыснула. Шурка сидела, прислонив бледную щеку к прохладному окну и провожала глазами быстро мелькающие пейзажи. Нервно прокручивала жмушную пуговицу на блузке.

Светила дернула Шурку за короткий, отливающий рыжиной на солнце хвостик. Шурка резко повернулась.

— Че зыришь? — осекла Светила.

Шурка не выдержала наглого взгляда и беспомощно опустила на свое место. Из проема снова показалась рука Светилы, Шурка успела посторониться. Послышались шепотки, похожие на шипение, — ну точно, две питоники, обсуждающие, как выманить мышь из норы. Шурка вдруг подалась вперед от удара. Они выбрали стратегию: пихали сиденье сзади. «Шура-дура, Шура-дура», — слышалось из-за спины. Пейзажи за

окном стали размываться. Питонихи хихикали и шурились от удовольствия, а Шурку забирала злоба. Злоба от бессилия, безмолвия, бездействия... Автобус затормозил на остановке. Шурка схватила рюкзак и рванула к двери. Выбежала на воздух.

— А тебе разве не до третьей школы, девочка? — спросил водитель. — А?

Шурка молча отошла от автобуса. Питонихи стучали по окну, показывали гримасы и проводили волны пальцами по щекам, высмеивая ранимость девочки. Автобус хлопнул двери, хрюкнул и продолжил путь. Путь в шесть остановок от школы.

«Что делать? Куда идти? Что скажет бабушка? Что соврать учительнице?» — метались вопросы в Шуркиной голове. Шесть остановок — это как на край света топтать. До дома еще больше. Да и не попадешь домой без ключей. Прогулять? От Бабани влетит... Никого из взрослых нет. Машины тоже не едут. Кругом лесополоса... Шурка села на скамейку. Заплакала.

Вдруг послышался писк. Шурка прислушалась — пискнуло еще. Посмотрела по сторонам, зашла за остановку — никого. В лесу, что ли?

— Кто тут? За мной сейчас папа приедет! — пригрозила она невидимому врагу.

Тишина. Вдруг кто-то сидит за деревьями, наблюдает за ней?.. Шурке стало жутко, в животе закрутило. Она схватила рюкзак и побежала в сторону школы. Снова запищало, Шурка обернулась и увидела, как из канавы вылезает чумазый, со свалывшейся рыжей шерстью... котенок. Шурка остановилась. Котенок тоже. Девочка сделала пару шагов в его сторону. Котенок прижался к земле, выгнул тощую маленькую спинку, зашипел и попятился. Шурка сделала еще несколько безуспешных попыток подойти и повернула в сторону школы. Но котенок, хотя и держался на расстоянии, не отставал и жалобно, беспомощно пищал. Шурка присела на корточки, протянула руку.

— Кыс-кыс-кыс! Ну, чего ты? Иди сюда...

Котенок застыл на месте. Вспомнив о бутербродах, Шурка достала из рюкзака контейнер, стянула колбасу с булки и протянула ее котенку. Медленно подобралась на расстояние вытянутой руки. Котенок зашипел, обнажив маленькие смешные зубки, но потом принялся, осторожно подошел и цепко ухватил кусок колбасы, вырвав его из пальцев. Оттащил к канаве, повернулся спиной к девочке и громко заурчал. Шурка наблюдала, подкралась поближе и аккуратно провела рукой по свалывшейся шерсти. Котенок дернулся, но был слишком увлечен колбасой. Понемногу стал привыкать к поглаживаниям.

— Рыжик... хороший... хороший... — приговаривала она, пока оголодавший зверек уминал лакомство.

Прошло всего минут пять, как Шурка скормила ему всю колбасу с бутербродов. Девочка вытерла руки о придорожную траву.

— Ну, я пошла. А то меня Бабаня прибьет.

От мысли о наказании за прогул Шурка торопливо пошла в сторону школы. Обернулась в последний раз — Рыжик сидел и намывал чумазую мордочку.

Пройдя метров двести, Шурка услышала знакомый писк — котенок все это время бежал за ней. Она прибавила шаг, хотя очень-очень хотела, чтобы он сопровождал ее. Все-таки идет не одна... Рыжик то почти нагонял ее, то останавливался или вовсе терялся из виду. В такой игре она дошла до школьных ворот. Котенок совсем отстал и, вероятно, так и остался где-то там, на пустой и страшной дороге.

На первый урок Шурка, конечно же, опоздала. Подошла к окнам старой трехэтажной школы, выкрашенной в противный, холодный желтый цвет, прямо как автобус-капсула. Встала на ящики и осторожно заглянула в окна своего класса. Илюхин тупил у доски над задачей. Суханов пытался подсказать ему решение, но Илюхин не пони-

мал систему знаков, которой тот оперировал. Прозвенел звонок. Илюхин облегченно выдохнул, все засобирались на перемену.

Вдруг что-то потерялось о ногу Шурки. Рыжик! Шурка присела на корточки, чтобы погладить его, он довольно потерся головой о ее ладонь и вскарабкался по гольфам на колени. Замурчал, как трактор, очаровательно наминая ткань юбки лапками.

В школе воняло краской, и каждый год от этого запаха Шурке становилось не по себе. Химический запах означал, что скоро лето. Но радости это не приносило, потому что из-за никудышной успеваемости Шурку заставляли приезжать на дополнительные занятия во время каникул. И когда все нормальные дети купались, рыбачили и разгуливали, на целых три месяца освобожденные от желтой тюрьмы, Шурка с несколькими такими же «отличниками» просиживала драгоценные часы за бессмысленными задачками про иллюзорные яблоки и апельсины.

Как всегда в школе, время тянулось долго. Светила из соседнего ряда сверлила Шурку взглядом в спину так, что это ощущалось физически. А ведь та и без того нервничала, боялась, что ее спросят, и от тревоги посадила в тетрадке несколько клякс.

Илюхин снова стоял у доски, на этот раз его мучили русским языком.

— Ты хоть читал, что ты написал, Миша? — отчитывала его Нина Николаевна. Между собой ученики называли ее «Ни-Ни».

— Надо было вставить пропущенную букву. Я вставил.

— И что у тебя получилось? «Сурок сунулся в нору и утонул»?

Класс захохотал. Илюхин залился краской. Он действительно не понимал, что не так.

— Садись, Илюхин... — вздохнула Нина Николаевна.

Илюхин грузно сел. Ни-Ни посмотрела в журнал.

— Так, Суханов...

Учительница не успела договорить. Услышав писк, класс оживился. Ни-Ни постучала ручкой по столу. В тишине снова пискнуло. Шурка медленно опустила руку под парту, расстегнула молнию рюкзака и просунула ладонь внутрь. Из сумки показался чумазый нос Рыжика.

Челюсть у Светилы заходила от нетерпения. Она моментом вскинула руку в потолок и, не дождавшись, когда Ни-Ни разрешит высказаться, с вызовом доложила:

— Нина Николаевна! У Ковальноговой котенок в рюкзаке!

Класс загудел. Перед тем как покраснеть, Шурка успела исподлобья глянуть на Светилу. Та ехидно улыбалась.

«Гестаповка, — обозвала ее про себя Шурка. — Вражина... Ничего, прилетит тебе когда-нибудь...»

— Ну-ка, тишина! — прикрикнула Ни-Ни и застучала ручкой. Все стихли, однако не перестали выворачивать головы в сторону Шурки. — Ковальногова, встань.

Пока Ни-Ни подходила к Шурке, Светила поднялась со своего места и схватилась за рюкзак, чтобы вытащить его из-под парты.

— Смирнова, сядь на место, — осадила ее Ни-Ни.

Светила опешила, посмотрела на учительницу и невинно похлопала глазами.

— А что такого? Я просто думала...

— Индюк тоже думал. Тебе никто не разрешал вставать.

Смирнова демонстративно уселась на свой стул и с недовольством глянула на учительницу.

Шурка напряженно ждала выговора. Ни-Ни строго посмотрела на нее.

— Показывай, что у тебя там.

Светила вытянула шею, ожидая очередного Шуркиного провала. Шурка послушно подняла рюкзак, поставила на лакированную столешницу. Ни-Ни аккуратно запустила руки внутрь и, словно фокусник, выудила рыженький испуганный комочек. Шур-

ка сжала зубы. Нина Николаевна неожиданно растеклась в улыбке. Ее суровое лицо с глубокой морщиной между бровей даже помолодело.

— Тю-ю, кто это тут такой чума-азенький? — протянула Ни-Ни.

Рыжик ошарашенно вертелся по сторонам, оценивая обстановку. Вокруг Ни-Ни собрались дети, зазвучали разношерстные голоса одноклассников.

— А тощий-то!

— Можно потрогать?

— Шурка, это твой?

— Нет, я его подобрала на дороге, он был голодный, я ему колбасу с бутербродов отдала.

— О, круто. Себе возьмешь?

Шурка кивнула.

— А бабушка? Разрешит? — участливо поинтересовалась Ни-Ни.

— Да, — соврала Шурка. — Она животных любит...

Даже Лизка приподнялась, чтобы посмотреть на Рыжика. Светила потянула ее за рукав и усадила на место.

Шурке разрешили оставить котенка на уроке, Ни-Ни только попросила убрать его обратно в рюкзак: вдруг зайдет кто-нибудь из руководства. Шурка сияла. Светка на соседнем ряду скрипела зубами и еще больше побелела бы от злости, если бы было куда.

Прозвенел звонок с последнего урока. Дождавшись, пока Шурка выйдет из класса и дойдет до каморки технички, питонихи подкрались сзади. Светила выхватила рюкзак с котенком, а Лизка затолкнула Шурку в тесное помещение и подперла дверь стулом.

Шурка пинала дверь, колотила по ней ручками, но стул не поддавался. Воняло крапской. Видимо, здесь хранились вскрытые банки с ней. Шурка бессильно села на пол и разрыдалась. В воображении всплывали жуткие варианты того, что Светила со своей шайкой-лейкой делают с котенком. Представив самое ужасное, Шурка закрыла глаза и мысленно проговорила: «Если сейчас дверь откроется, я всегда-всегда буду делать уроки. Пожалуйста. Пожалуйста-пожалуйста». Подошла к двери. Толкнула. Не сработало.

Шурка закричала и со всей силы пнула в дверь железное ведро. По полу разлилась желтая краска. Дверь открылась, в проеме показалась техничка.

— Что это тут такое, а?

Шурка побежала к двери, но техничка ухватила ее за плечо.

— Ты что тут натворила, хулиганка ты эдакая?

Шурка заревела и закричала одновременно, извернулась и вырвалась. Первым делом обежала туалеты на третьем и втором этажах. Все были открыты, но Светилы с котенком там не было.

Из окна на втором этаже Шурка увидела, что Светила с компанией загнали в пространство для мусорных баков Рыжика и швырялись в него камнями. Шурка ломанулась вниз, перескакивая по две ступеньки тонкими ножками в белых сандаликах, забрызганных желтыми каплями краски.

Звучный голос Светилы было слышно уже за углом школы.

— Ну ты тупая, что ли? Он там убежит, слева заходи! — командовала она Лизке. Та стояла с камнем в руке и прицеливалась.

Шурка не знала, что может так громко орать. Она подобрала палку и побежала к ребятам. Шайка-лейка повернулась на ее крик. Котенок забился за мусорный контейнер и шипел. Лизка прицелилась и кинула камень, но промазала.

Светила вплотную подошла к Шурке. Та крепче сжала палку.

— Ну и че ты приперлась? — нагло бросила Светила, ухмыльнулась и больно толкнула Шурку в плечо. Та потеряла равновесие и упала. Шайка-лейка загалдела. Шурка поднялась, поморщилась от боли в ушибленной спине.

— Давай еще зареви, как вчера! — выкрикнул кто-то из шайки-лейки.

— Вали отсюда, дура, — процедила Светила, подняла камень и пошла к контейнеру, за которым прятался Рыжик.

Шурка, сама от себя не ожидая, кинулась к Светиле и двинула ей с разворота по плечу. Красивое лицо Светилы скукожилось.

— Ах ты! — она замахнулась, чтобы нанести ответный удар, но Шурка опередила ее и толкнула в грязь рядом с помойкой.

Это была победа. Гадкую вражину в ее дорогушем желтом платье — предмете зависти всех девчонок во дворе — наконец-то настигло возмездие.

— Что вы стоите, дураки? — визжала Светила. — Ловите ее!

Лизка дернулась, но Шурка замахнулась палкой и так зыркнула на нее, что та отступила.

— Лови, лови ее!

— Да как? — не понимала Лизка. — У нее же палка!

— Держи ее, а то не разрешу с нами больше ходить!

Светила взяла камень рядом с лужей и бросила в Лизку.

— Ты мне больше не подруга, дура!

— Сама ты дура! — обиделась Лизка и, чуть не плача, убежала за гаражи.

— Че вы вылупились? — выпалила Светила шайке-лейке. — Валите! И только попробуйте кому-то рассказать!

Шайка-лейка вяло разбрелась. Шурка, не бросая палку, пошла к мусорке — Рыжик сидел где-то там.

— Че ты зыришь, дура? — огрызнулась Светила.

Шурка взглянула на нее, но промолчала. Прошла мимо к мусорным бакам. Пару раз кыснула, но Рыжик не отозвался.

— Зови-зови, мы его хорошо отлупили, — кинула Светила, вставая из лужи. — Дура. Я про тебя все маме расскажу, поняла?

Шурка делала вид, что не слышит Светкины слова.

— У меня она хотя бы есть, в отличие от тебя.

Шурка побелела. Развернулась к встававшей Светиле и со всей дури ударила ее по голове. Та снова упала в лужу и заорала.

Котенок выскочил из-за контейнера и удрал за гаражи.

Провозившись минут двадцать, чтобы сманить котенка с дерева, Шурка нашла коробку из-под обуви и посадила его туда. Долго сидела с коробкой у подъезда, не решаясь зайти, и сжималась от каждого хлопка входной двери. Наконец зашла в подъезд. Урывисто нажала на кнопку звонка, он еле слышно крякнул. Долго никто не подходил. Шурка, надеясь, что бабушка еще не дома, нажала на звонок увереннее.

— Иду-иду! — глухо крикнула Бабаня из-за двери.

Полминуты, пока Бабаня шла до двери, были для Шурки вечностью. Котенок зашебуршал в коробке, будто предчувствуя встречу с Бабаней. Замок щелкнул. Дверь открылась. Выглянула Бабаня в переднике, вытирая полотенцем фарш с рук. Шурка оцепенела.

— Ну заходи, чего ты?

Шурка протиснулась в дверь с коробкой. Поставила ее на пол. Крышка приподнялась, высунулась рыжая мордочка.

— Это что такое?! — возмутилась Бабаня.
— Рыжик, — тихо сказала Шурка.
— Какой Рыжик? Ты что, совсем сдурела? Мало грязи у нас? Убирай его! Где ты его откопала?

— В Смердях на остановке... — Шурка осеклась.
— Чего? — не поняла Бабаня. — В каких Смердях? Ты что там делала?
Шурка опустила голову и покраснела. Губы задрожали.

— Ну? — напирала Бабаня.
— Они меня из автобуса выжали...
— Как это — «выжали»?
— Приставали, по сиденью стучали, дергали... за волосы... — Шурка уже всхлипывала.
— Кто?

Шурка молчала.

— Ну говори — кто?
— Светка с Лизкой...
— А ты что? По мозгам не могла дать им? Тютеха.

Шурка молчала, шмыгала носом.

— Ну, и что дальше? Ты в школу не ходила, что ли?

Шурка выложила все: и как шла пешком, и как нашла Рыжика и притащила его на урок, и как Светка с Лизкой выкрали и издевались над ним, и как потом Шурка сняла его с дерева и везла в коробке в автобусе. Повисла тишина.

— Раздевайся, — сказала Бабаня.

Шурка села на стульчик и медленно начала расстегивать сандалики, боясь спугнуть малюсенькую надежду на то, что ей разрешат оставить котенка. Но пока она возилась с обувью, Бабаня брезгливо взяла коробку с Рыжиком, открыла входную дверь и выставила ее на лестничную площадку.

— Ба-а, — протянула Шурка дрожащим голосом.

— Не бакай! Ты сама как котенок, за тобой ходить надо, а притащила. Ты убирать будешь за ним? Кормить? Скинули все на бабку!..

Бабаня в сердцах шлепнула об стол полотенцем.

— Мой руки, суп сейчас закипит!

— Ну ба-а, — протянула как можно жалобнее Шурка. — Ну пожа-а-а-алуйста...

— Никаких «пожалуйста!» — отрезала Бабаня. — Два раза с мылом чтоб вымыла! Мало ли какой он заразный...

Бабаня налила алюминиевую плошку кислых щей и шваркнула на стол. Шурка втихую занесла коробку с Рыжиком назад.

— Слышала? — спросила Бабаня и выглянула в коридор. — Я тебе что сказала сделать? А?

Бабаня устремилась к ненавистой коробке. Шурка заслонила ее собой и посмотрела на бабушку исподлобья.

— Ты на мамку свою так блымять будешь, на меня так блымять не надо. Убирай его, не выводи меня! А то вместе с ним вылетишь, как пробка! — совсем завелась Бабаня.

— Ну и вылечу, — взвизгнула Шурка.

— Чево? — опешила Бабаня.

— И вылечу... — вяло повторила Шурка.

Бабаня открыла дверь нараспашку.

— Ну давай, вылетай. Чего стоишь-то?

Шурка сглотнула, повернулась и, неуклюже держа коробку в грязных ручках, вышла на лестничную площадку.

— Иди-иди, — подначила бабушка. — Может, тебя вместе с ним подберут.

Шурка не отреагировала, Бабаня решила выдать последний козырь:

— Я тебя назад не пушу, так и знай. Вот заберет тебя какой-нибудь дядька!

Замок щелкнул изнутри.

«Ну все, — подумала Шурка. — Жизнь на помойке. Что будет? Куда идти? Умрем вместе с Рыжиком...» В голове стали рисоваться картины суровой голодной жизни.

Шурка тоскливо опустила на скамейку. Заплакала. Рыжик зашуршал в коробке и высунулся. Завертел головой, принюхался и снова спрятался. Рядом подсел дед Колюня, местный выпивоха. Шмыгнул носом, осмотрел Шурку.

— Привет, Санька.

От Колони разило. Шурка отодвинулась. В голове эхом прозвучала фраза Бабани: «Вот заберет тебя какой-нибудь дядька!..»

— Как житуха-то? А в коробке чего?

Шурка схватила коробку с Рыжиком, быстро пошла к соседнему подъезду, но вспомнила о шалаше и сменила траекторию в сторону подлеска.

— Да чего ты? Я ж по-доброму... — сказал ей вслед Колюня.

Шалаш был разбит вдребезги. Видимо, Светила отомстила за свое падение. Шурка поставила коробку с Рыжиком на землю. Он вылез и стал обнюхивать территорию вокруг.

— Ты только далеко не уходи, — наказала Шурка. — Я сейчас тут что-нибудь сооружу.

Девочка кое-как закрепила остов шалаша, накидала сверху сосновых веток, устлала пол свежей травой. Залезла туда с котенком. Устало выдохнула и улеглась на спину. Сквозь зеленые иголки просматривалось далекое небо.

— Смотри, Рыжик, там облако в виде котенка. На тебя похож. Вон оно, видишь?

Рыжик не обратил внимания на слова Шурки: он играл с букашкой, ползающей в сорванной траве.

— А что, — продолжала Шурка, — мы можем летом и тут прожить. Есть ягоды, ловить рыбу... Только надо как-то леску с крючком раздобыть... И «Простоквашино» из дома забрать... Ой! — ахнула она. — Мы же с тобой прямо как дядя Федор и кот Матроскин!

Так они просидели где-то с полчаса. Пока Шурка рассказывала планы на беззаботное лето, небо затянуло и заморосил дождь. Пришлось бежать с Рыжиком под козырек соседнего подъезда. Шурка монотонно водила веточкой под носом Рыжика, но он тоже не хотел играть. Иногда он отходил недалеко от Шурки, обнюхивал цветы на грядках, морщился от мороси и, заслышав какой-нибудь шум, прибегал назад.

Хотелось есть. Вспомнилась оставшаяся на столе плошка кислых щей...

Вдруг хлопнула дверь.

— Шурка! — крикнула Бабаня.

Шурка со страху не подала голоса и даже не шелохнулась. За разросшимся кустом сирени их с Рыжиком не было видно.

— Михална, — учтиво кивнул Колюня.

— Чего надо? — гаркнула та. Колюня всегда клячил деньги на бутылку.

— Да так... Доброго дня хотел пожелать, — пожал плечами Колюня.

— Да, будет тут добрый... — тяжело вздохнула Бабаня. — Шурку не видел?

— Видал... — протянул Колюня.

— Где?

— Да... — обвел он рукой пространство перед собой. — Сначала тут сидела... Смурная какая-то... Потом ушла...

- Чего ты загадками-то говоришь? Куда ушла-то?
— Галин...
— Что?
— Даи тридцать рублей.
— Да иди ты знаешь куда! Господи, страна дураков... Она же мокрая где-то ходит...
Шура! Шурочка!
Пройдя с десяток метров, увидела внучку.
— Сидит, молчит! Ори, бабка, надрывайся! — выругалась Бабаня.
Шурка потушила взгляд.
— Чего сидишь-то? Пошли.
— Без котенка не пойду, — уверенно сказала Шурка.
Бабаня подошла, по-хозяйски застегнула верхнюю пуговицу на Шуркиной блузке.
Взяла внучку за руку, потянула:
— Все, хватит игратья. Пойдем домой.
Шурка вывернулась и, морщась от натуги, выдрала надоевшую пуговицу из блузки. Бросила на асфальт. Демонстративно села на скамейку.
— Правильно, пришивай, бабка! Молодец!
Шурка надулась, положила коробку с Рыжиком на колени, крепко обхватила. Бабаня под села рядом.
— Вот тебе прямо надо этот котенок, да?
— Да, — буркнула Шурка.
— Он же блохастый, чумазый, не пойми чего у него там только нету, — снова попыталась вразумить Шурку бабушка.
— Ну и что... Его можно помыть и блох вывести. Он знаешь какой красивый... И хороший... Он меня всю дорогу до школы провожал...
— Здравсьте, Галина Михална! — вдруг с вызовом окликнули Бабаню.
Мамаша Светилы — такая же сухопарая и белая, как Светка, — тащила за руку свое детище в грязнющем платье.
— Господи Иисусе, — удивилась Бабаня, оглядев Светилу.
— Это Иисусе сделала ваша Шурка.
Мамаша ткнула в плечо Светиле:
— Рассказывай.
— Мы... Мы просто играли с ребятами... с котенком... А Шурка меня толкнула в лужу...
— Вы видите? — тряханула мамаша Светку за плечо. — Это уже не отстирается! Знаете, сколько это платье стоит? Платить не оберетесь!
— Заплатим, конечно, — согласилась Бабаня. — Только и вы у меня заплатите. За одежду, которую я всю ночь вчера отстирывала, когда ваша Светка мою Шурку в лужу толкнула. Рассказала она вам это? И за то, что они с Лизкой ее из автобуса вытравили сегодня, и она шесть остановок пешком шла. А как они с котенком играли? Камнями в него кидались! Рассказала она вам такое?
Мамаша строго посмотрела на Светку.
— Она в лужу сама упала! — попыталась оправдаться Светка.
— Да? Правда? И не стыдно врать-то при матери?
— Чего это она врет-то? — вступилась за Светку мать. — Это, может, ваша Шурка врет!
— А мы сейчас вон у Лизки спросим. Она там была. Лизка! — позвала Бабаня Светкину подпевалу, в одиночестве качавшуюся на качелях. — Подойди-ка сюда!
Лизка неохотно слезла с качелей и поплелась к ним. У Шурки в груди все сжалось.
— Вчера кто Шурку в лужу толкнул? — спросила Бабаня.

Лизка глянула на Светилу. Та исподтишка пригрозила кулаком.

— Ты на нее не смотри, она тебе ничего не сделает. Ну?

Лизка попереминалась с ноги на ногу и негромко сказала:

— Светка...

— А в котенка вы зачем камнями кидались?

— Светка приказала...

— Приказала! — возмутилась Бабаня. — У вас что, своих мозгов нет? С крыши прыгнуть прикажет, тоже прыгнете? Иди!

Лизка ушла к своему подъезду. Светкина мамаша зло смотрела на дочь.

— Да что? Он меня царапнул! — захныкала Светила.

— Да мало еще царапнул! Я б ей так царапнула по ушам за ее дела! Ваша Светка та еще штучка, вон Лизка все подтвердила!

— Ага, а ваша Шурка притащила заразу в класс, у Светочки, может, столбняк теперь будет!

— Зараза к заразе не пристает! — перебила Бабаня. — И вообще, это наш котенок, и никакой он не заразный. А будет Светка к Шурке еще лезть, так та ей так наподдаст, что мало не покажется, понятно?

— Понятно! А вы... И Шурка ваша... — Светкина мать запнулась.

— Ну? Ну? Всё? — победно поддразнила Бабаня. — Пойдем, Шурка.

Шурка схватила коробку с Рыжиком и засемила за Бабаней. Обернувшись, увидела, как мать Светилы что-то зашипела и вlepила той гулкую затрещину.

— Неделю у меня на улицу не выйдешь! — приговорила она дочь.

Светила захлопала и квело поплелась за мамашей.

Рыжику выделили сколотое блюдце, налили молока. Котенок разбрызгивал белые капельки по линолеуму, пока Шурка читала ему вслух главу из «Простоквашина».

— Мурчит, зараза, — подметила Бабаня. — Только смотри, не будешь убирать за ним — сразу выброшу.

Шурка кивнула, протерла тряпочкой капли с линолеума и засияла.

Из-за туч выглянуло солнце. Во дворе кошка Симка играла оторванной пуговицей.